

«Я доказала свету, что я в любви верна»

Писавшие о Долгорукой называют всю жизнь ее «трудной и скорбной», а ей самой дают наименование «великой страдальницы».

Наталья Борисовна родилась 17 января 1714 г. в одном из самых знатных домов своего времени: отец ее был знаменитый фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, один из соратников Петра Великого. Мать ее была также из знатного рода.

Много счастья должна была сулить жизнь для девочки, родившейся в такой завидной обстановке: знатность рода, богатство, уважение царя — все обещало светлую будущность...

Когда пал Меншиков, то самым дорогим

Неизвестный художник
Портрет кн. Н. Б. Долгорукой

ПРАВДА, ЧТО НАЧАЛО БЫЛО ОЧЕНЬ ВЕЛИКО; думала, я первая счастливица в свете, потому что первая персона в государстве был мой жених. При всех природных достоинствах имел знатные чины при дворе и в гвардии; я признаюсь вам в том, что я почитала за великое благополучие, видя его к себе благосклонна. Напротив того, и я ему ответствовала, любила его очень, хотя я никакого знакомства прежде не имела, нежели он мне женихом стал; но истинная и чистосердечная его любовь ко мне на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было; все кричали: а х, как она счастлива! Моим ушам не противно было это эхо слышать... Казалось, ни в чем нет недостатку; милый человек в глазах, в рассуждении том, что этот союз любви будет до смерти неразрывный, а притом природные чести, бо-

другом-любимцем императора Петра II и всесильным временщиком при нем сделался девятнадцатилетний князь Иван Алексеевич Долгорукий. К довершению могущества этого юноши сестра его Екатерина, как известно, помолвлена была за юного императора и друга этого мальчика-вельможи. Этот-то князь Долгорукий и нашел молоденькую Наталью Шереметеву лучшей девушкой в Петербурге и Москве, и на ней-то он поставался.

Чего же больше? Больше этого «великого начала» не могло быть ни для одной русской девушки. Наталья Шереметева вступала, таким образом, в родство с императорской фамилией.

гатство, от всех людей почтение: всякой ищет милости, рекомундуется под мою протекцию; подумайте, будучи девке в пятнадцать лет так обрадованной! Я не иное что воображала, как вся сфера небесная для меня переменялась.

Между тем начались у нас приурочивания к сговору нашему. Правду могу сказать, редко кому случилось видеть такое знатное собрание: вся императорская фамилия была на нашем сговоре, все чужестранные министры, наши все знатные господа, весь генералитет, одним словом сказать, столько было гостей, сколько дом наш мог поместить обоих персон; не было ни одной комнаты, где бы ни было полно людей. Обручение наше было в зале, духовными персонами, один архиерей и два архимандрита. После обручения все его сродники меня дарили очень богатыми да-

рами, бриллиантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантереєю; мои б руки не могли б всего забрать, когда б мне не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его в двенадцать тысяч, а мой — в шесть тысяч... Сговор мой был в семь часов пополудни, это была уже ночь, для того принуждены были смоляные бочки зажечь для свету, чтоб видно было разъезжаться гостям; теснота превеликая от карет была; от того великого огня видно было, сказывают, что около ограды дому нашего столько было народа, что вся улица заперлась, и кричал простой народ: «Слава Богу, отца нашего дочь идет замуж за великого человека, восставит род свой и возведет братьев своих на степень отцову!» Это мое благополучие и веселие долго ль продолжалось? Не более как от декабря 24 дня по 18 января день. Вот моя обманчивая надежда кончилась; со мною так случилось, как с сыном царя Давида Нафаном: лизнул медку, и пришло было умереть. Так и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучных, или сказать радостных, сорок лет по сей день стражду; за каждый день по два года придет без малого, еще шесть дней надобно вычесть; да кто может знать предбудущее!..

Вот начало моей беды, чего я никогда не ожидала! Государь наш кончил живот свой; паче чаяния моего, чего я никогда не ожидала, сделалась коронная перемена¹. Знать, так было Богу угодно... Все сродники мои съезжаются, жалеют, плачут обо мне, как мне эту напасть объявить, а я обыкновенно долго спала, часу до девятого, однако как скоро проснулась, вижу у всех глаза заплаканы; как они не стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что государь болен и очень болен, однако я великую в том надежду имела на Бога, что он не оставит сирых; однако, знать, мы тому достойны были... Как скоро эта ведомость дошла до ушей моих, что уже тогда со мною было — не помню; а как опомнилась, только и твердила: ах! пропала! пропала! Не слышно было иного ничего от меня, что пропала! Как кто ни старался меня утешить, только не можно было плач мой пресечь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновение моего государства, что все фавориты после своих государей пропадают: чего было и мне ожидать? Правда, что я не так много дурно думала, как со мною сделалось: потому, хотя мой жених и любим государем, и знатные чины имел, и вверены ему были всякие дела государственные; но подкрепляли меня несколько честные его поступки. Знав его невинность, что он никаким непристойным делам не косен был, мне казалось, что не можно без суда человека обвинить... однако после уже узнала, что при несчастливом случае и правда не помогает. И так я плакала безутешно. Свойственники, сыскав средство, чем бы меня утешить, стали меня

уговаривать, что я еще человек молодой, а так себя безрассудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будет худо; будут другие женихи, которые не хуже его достоинством, разве только не такие великие чины будут иметь... Это предложение так мне тяжело было, что ничего на то не могла им ответствовать. Войдите в рассуждение, какое это мне утешение и честна ли эта совесть, когда он был велик, так я с радостью за него шла, а когда он стал несчастлив, отказать ему? Я такому бессознательному совету согласиться не могла; а так положила свое намерение, когда, сердце одному отдав, жить или умереть вместе, а другому уже нет участия в моей любви. Я не имела такой привычки, чтоб сегодня любить одного, а завтра другого; в нынешний век такая мода, а я доказала свету, что я в любви верна. Во всех злополучиях я была своему мужу товарищ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всех бедах, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала в том безумия Богу. Он тому свидетель: все, любя его, сносила, сколько можно мне было, еще и его подкрепляла... К вечеру приехал мой жених ко мне, жалуюсь на свое несчастье; при том рассказывал об смерти, жалости достойной, как государь скончался, что все в памяти был и с ним прощался. И, так говоря, плакали оба и присягали друг другу, что нас ничто не разлучит, кроме смерти; я готова была с ним хотя все земные пропасти пройти. И так час от часу пошло хуже. Куда девались искатели и друзья? Все спрятались, и ближние отдалече меня сташа, все меня оставили в удобность новым фаворитам; все стали уже меня бояться, чтоб я в стречу с кем не попалась, всем подозрительна. Лучше б тому человеку не родиться на свете, кому на время быть велику, а после прийти в несчастье: все станут презирать, никто говорить не хочет!..

Как скоро вступила государыня в самодержавство, так и стали искоренять нашу фамилию...

А между тем всякие вести ко мне в уши приходят; иной скажет, в ссылку сошлют, иной скажет, чины и кавалерии отберут... И так мое жалкое состояние продолжалось по апрель месяц; только и отрады мне было, когда его вижу, поплачем вместе, и так домой пойдет... Боже, дай мне все то забыть! Наконец, уж надо наш несчастливый брак окончить; хотя, как ни откладывали день ото дня, но, видя мое непременно намерение, принуждены согласиться... сам Бог давал меня замуж, а больше никто. Не можно всех тех беспорядков описать, что со мною тогда были; уже день назначили свадьбы; некому проводить, никто из родных не едет, да некому и звать. Господь сам умилил сердца двух старушек, моих свойственных, которые меня провожали, а то принуждена бы с рабою ехать; а ехать надобно

было в село, пятнадцать верст от города: там наша свадьба была... Какая это розница свадьба, сговор! Там все кричали: ах! как она счастлива; а тут провожают и плачут: знать, что я всем жалка была. Боже мой, какая перемена! Как я выехала из отцовского дому, с тех пор целый век странствовала. Привезли меня в дом свекров, как невольницу: вся расплакана, свету не вижу перед собою. Подумайте, и с добрым порядком замуж идти, надобно подумать последнее счастье; не токмо в таком состоянии, как

Свекор, глядя на меня, удивляется моему молодумию и смелости...

И так мы, собравшись, поехали; с нами было собственных людей десять человек да лошадей его любимых верховых пять... Едем в незнаемое место, и путь в самой разлив... а ехать до той деревни, где нам жить, восемьсот верст. Из моей родни никто ко мне не поехал проститься, или не смели, или не хотели, Бог то рассудит; а только со мной поехала моя мадам, которая за маленькою за мною ходила, иноземка; да девка, ко-

Супруги Долгорукие в остроге. С гравюры А. Рябушкина

я шла. Я приехала в одной карете, да две вдовы со мною сидят, а у них все родные приглашены, дядья, тетки; и пуще мне стало горько: привезли меня, как беденькую сироту: принуждена все сносить. Тут нас в церкви венчали. По окончании свадебной церемонии провожатые мои меня оставили, поехали домой; и так наш брак был плачу больше достоин, а не веселия. На третий день, по обыкновению, я стала сбираться с визитами ехать по ближним его сродникам и рекомендовать себя в их милость... Вместо визитов, сверх чаяния моего, мне сказывают, приехал секретарь из Сенату; свекор мой должен был его принять. Он ему объявляет: указом велено-де вам ехать в дальние деревни и там жить до указа. Ох! как мне эти слова не понравились, однако я креплюсь, не плачу, а уговариваю свекра и мужа; как можно без вины и без суда сослать. Я им представляю: поезжайте сами к государыне, оправдайтесь.

торая при мне жила: я и тем была рада... Десяносто верст от города как отъехали... вдруг явился к нам капитан гвардии, объявляет нам указ: велено-де с вас кавалерии снять. В столице, знать, стыдились так безвинно ограбить, так на дорогу выслали... Настигла нас ночь, принуждены стать в поле, а где, не знаем, на дороге ли, или свернули, никто не знает, потому что все воду объезжали. Стали тут, палатки поставили. Это надобно знать, что наша палатка будет всех дале поставлена, потому что лучшее место выберут свекру, подле близости золовкам, а там деверьям холостым, а мы будто иной партии: последнее место нам будет. Случилось и в болоте; как постелю сымут — мокра, иногда и башмаки полны воды. Это мне очень памятно, что весь луг был зеленой, травы не было, как только чеснок полевой; и такой был дух тяжелый, что у всех головы болели, и когда мы ужинали, то мы все виде-

ли, что два месяца взошло, ординарный большой, а другой подле него поменьше, и мы долго на них смотрели, и так их оставили, спать пошли. Поутру, как мы встали, свет нас осветил, удивились сами, где мы стояли: в самом болоте и не по дороге, как нас Бог миловал, что мы где не увязли ночью, так оттудова насилу на прямую дорогу выбились.

Маленькая у нас утеха была, псовая охота. Свекор превеликий охотник был; где случится какой перелесочек, место для них покажется хорошо, верхами сядут и поедут, пустят гончих; только провождение было время или, сказать, скуке. А я останусь одна, утешу себя, дам глазам своим волю и плачу сколько хочу...

И так мы три недели путались и приехали в свои деревни, которые были на половине дороги, где нам определено было жить... не больше мы трех недель тут прожили; паче чаяния нашего вдруг ужасное нечто нас постигло. Только что мы отобедали — в этом селе дом был господский, и окна были на большую дорогу: взглянула я в окно, вижу пыль великую по дороге... прямо к нашему дому едут; в коляске офицер гвардии, а по телегам солдаты, двадцать четыре человека. Тотчас узнали мы свою беду, что еще их злоба на нас не умалется, а больше умножается. Подумайте, что я тогда была! Упала на стул; а как опомнилась, увидела, полны хоромы солдат... Нас уже на квартиру не отпускают... мы везде на особливых квартирах стояли, так не поместились в одном доме; мы стояли у мужака на дворе, а спальня наша была сарай, где сено кладут. Поставили у всех дверей часовых, примкнуты штыки. Боже мой, какой это страх! Я отроду ничего подобного этому не видала и не слышала. Велели наши командиры кареты закладывать: видно, что хотят нас везти, да не знаем куда. Я так ослабела от страху, что на ногах не могу стоять...

Только меня и поободряло, что он со мною, и все, видя меня в таком состоянии, уверяют, что с ним неразлучна буду. Я бы хотела самого офицера спросить, да он со мною не говорит, кажется неприступный; придет ко мне в горницу, где я сяду, поглядит на меня, плечами пожмет, вздохнет и прочь пойдет...

(...) Офицер объявил, что велено вас под жестоким караулом везти в дальние города, а куда — не велено сказывать. Однако свекор мой умилостивил офицера и привел его в жалость; сказал, что нас везут в остров², который состоит от столицы четыре тысячи верст и больше, и там нас под жестоким караулом содержать, к нам никого не допускать, ни нас никуда, кроме церкви, переписки ни с кем не иметь, бумаги и чернила нам не давать. Подумайте, каковы мне эти вести: первое — лишилась дому своего и всех родных своих оставила, я же не буду и слышать об них,

как они будут жить без меня; брат меньший мне был, который меня очень любил; сестры маленькие остались. О, Боже мой, какая это тоска пришла! Жалость, сродство, кровь вся закипела от несносности. Думаю я, уже никого не увижу своих, буду жить в странствии; кто мне поможет в напастьх моих, когда они не будут и ведать обо мне, где я; когда я ни с кем не буду корреспонденции иметь или переписки... а может быть, им там скажут, что я уже умерла, что меня и на свете нет; они только поплачут и скажут: лучше ей умереть, а не целый век мучиться! С этими мыслями ослабели все мои чувства, онемели, а после полились слезы.

Муж мой очень испужался и жалел после, что мне сказал правду; боялся, чтоб я не умерла; истинная его ко мне любовь принудила дух свой стеснить, и утаивать эту тоску, и перестать плакать; и должна была его еще подкреплять, чтоб он себя не сокрушил: он всего свету дороже был. Вот любовь до чего довела! все оставила: и честь, и богатство, и сродников, и стражду с ним, и скитаюсь; этому причина — все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни перед Богом, ни перед целым светом, потому что он один в сердце моем был; мне казалось, что он для меня родился и я для него, и нам друг без друга жить нельзя. И по сей час в одном рассуждении, и не тужу, что мой век пропал; но благодарю Бога моего, что он мне дал знать такого человека, который того стоил, чтоб мне за любовь жизнью своею заплатить, целый век странствовать и великие беды носить...

И так нас довезли до города³. Я вся расплакана; свекор мой очень испужался, видя меня в таком состоянии; однако говорить было нельзя, потому что офицер сам тут с нами и унтер-офицер...

Моя воспитательница, которой я от матери своей препоручена была, не хотела меня оставить, со мною и в деревню поехала; думала она, что там злое время проживем: однако не так сделалось, как мы думали, принуждена меня покинуть. Она — человек чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то бесчастное судно, на котором нас повезут; все там прибирала, стены обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтоб я не простудилась; павильон поставила, чуланчик загородила, где нам иметь свое пребывание, и все то оплакивала...

Я уже не помню, пешком ли мы шли до судна или ехали; недалеко река была от дому нашего: пришло мне тут расставаться со своими, потому что дозволено было им нас проводить. Вошла я во свой кают; увидела, как он прибран; сколько можно было — помогала моему бедному состоянию; пришло мне вдруг благодарить ее за ее ко мне любовь и воспитание, тут же и прощаться, что я уже ее в последний раз вижу; ухватились мы друг

другу за шею, и так руки мои замерли, и я не помню, как меня с нею растащили. Опомнилась я в каюте или в чулане; лежу на постеле, и муж мой надо мной стоит, за руку держит, нюхать спирт дает; я вскочила с постели, бегу вверх, думаю, еще хотя раз увижу — ниже места того знать: далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на руке, знать, я его в воду опустила, когда я с своими просталась; да мне уж и не жаль было, не до него: жизнь тратится. Так я и осталась одна, всех лишилась для од-

меня шубою: на воде ветры очень пронизательны. Иногда и он для компании подле меня сидит. Когда пройдет погода, отдохну; только есть ничего не могла, все тошнилось...⁴

Этот водяной путь много живота моего унес... пускай бы я одна в страдании была, товарища своего не могу видеть безвинно страдающего...

Доехали до провинциального города того острова, где нам определено жить... Сказали нам, что путь до того острова водою и тут

Березов в наши дни

ного человека. И так мы плыли всю ту ночь.

На другой день сделался великий ветер, буря на реке, гром, молния... а я с природы грому боюсь. Судно вертит с боку на бок: как гром грянет, то и попадают люди... Я думала, светопреставление! Принуждены были к берегу пристать. И так всю ночь в страхе без сна препроводили. Как скоро рассвело, погода утихла, мы поплыли в путь свой, и так мы три недели ехали водою; когда погода тихая, я тогда сижу под окошком в своем чулане; когда плачу, когда платки мою — вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; он со мною рядом плывет, чтоб не я одна невольница была — и осетр со мною; а когда погода станет ветром судно шатать, тогда у меня станет голова болеть и тошниться; тогда выведут меня наверх, на палубу и положат на ветру; и я до тех пор без чувства лежу, покамест погода утихнет, и покроют

будет перемена; офицер гвардейский поедет возвратно, а нас препоручат тутошняго гарнизона офицеру, с командою 24 человека солдат. Жили мы тут неделю, покамест исправили судно, на котором нам ехать, и сдавали нас с рук на руки как арестантов. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакал очень при расставании офицер и говорил: «Теперь-то вы натерпитеесь всякого горя; это люди необычайные; они с вами будут поступать, как с подлыми, никакого снисхождения от них не будет». И так мы все плакали, будто с сродником расставались...

Нас не караул держал, а держала невинность наша...

Господи Иисусе Христе, Спаситель мой, прости мое дерзновение, что скажу с Павлом апостолом: беды в горах, беды в вертепах, беды от сродник, беды от разбойник, беды от

домашних. За все благодарю моего Бога, что не попустил меня вкусить сладости мира сего. Что есть радость, я ее не знаю. Отец мой Небесный предвидел во мне, что я поползновенна ко всякому злу, не попустил меня душою погибнуть; всячески меня смирял и все пути мои ко греху пресекал; но я, окаянная и многогрешная, не с благодарением приняла, и всячески роптала на Бога, и не вменяла себе в милость, но в наказание, но Он, яко Отец милостивый, терпел моему безумию и творил волю свою во мне. Буди имя Господне благословенно отныне и до века. Пресвятая Владычице Богородице, не остави в страшный час смертный! . . . . .

Я не постыжусь описать его добродетели, потому что я не лгу. Не дай Бог, что написать неправильно; я сама себя тем утешаю, когда вспомню все его благородные поступки и счастливой себя считаю, что я его ради себя потеряла, без принуждения, из своей доброй воли. Я все в нем имела: и милостивого мужа, и отца, и учителя, и старателя о счастья моем. Он меня учил Богу молиться, учил меня к бедным милостивою быть, принуждал милостыню давать, всегда книги читал, Священное Писание, чтоб я знала Слово Божие; всегда твердил о незлобии, чтоб никому зла не помнила. Он фундамент всему моему благополучию теперешнему, то есть мое благополучие, что я во всем согласуюсь с волей Божией и все текущие беды несусь с благодарением; он положил мне на сердце

за все благодарить Бога. Он рожден был в натуре, ко всякой добродетели склонной, хотя в роскошах и жил яко человек, только никому зла не сделал и никого ничем не обидел, разве что нечаянно...

* * *

Насколько молоденькая жена показала твердость духа, отправившись под венец, когда голова жениха уже заранее обречена была топором, и потом не побоялась и ссылки, настолько сам он показал геройское терпение, когда умирал на плахе.

Рубит палач ему правую руку:

— Благодарю тя, Господи! — говорит он.

Рубит палач ему левую ногу:

—...яко сподобил мя еси... — продолжает казнимый.

Рубит палач левую руку:

—...познать тебя, Владыко, — заканчивает казнимый.

Тогда палач отрубает ему и голову — нечем больше молиться...

Возвращенная Елизаветой Петровной из ссылки, «великая страдалница» Наталья Долгорукая-Шереметева, устроив старшего сына и схоронив младшего, удалась в монастырь, в Киев, и приняла схиму, став матерью Нектарией.

Умерла в 1771 году, 56 лет от роду, погребена в Киево-Печерской Лавре при входе в соборную церковь.⁵

Примечания

¹ В январе 1730 года на трон взошла Анна Ивановна.

² Город Березов стоит на острове, образуемом реками Сосьвою и Вогоулкою. Есть легенда о встрече Долгоруких с семейством сосланного в Березов Меншикова.

³ Имеется в виду Касимов.

⁴ Княгиня была тогда беременна первым ребенком.

⁵ Комментарии к Запискам составлены по книге Д. Л. Мордовцева «Русские женщины нового времени» (Спб., 1874) С. А. Смирновым

Публикуется с сокращениями по изданию: Записки кн. Н. Б. Долгорукой. Спб., 1896.

